

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко: бело кругом. Замело лесникову избушку снегом. Белый стоит лес.

Знает Егорка полянку одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придёшь — стадо куропачей из-под ног. Фррр! Фррр! — во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые! А наемдни видал Егорка на поляне ещё след — неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот бы самому выследить по следу диковинного зверя. Это тебе не заяц! Это и тятка похвалит.

Загорелось Егорке: сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валяные подшивает.

— Тять, а тять!

— Чего тебе?

— Дозволь в лес: куропачей

пострелять!

— Ишь, чего вздумал, на ночь глядя-то!

— Пусти-и, тять! — жалобно тянет Егорка.

Молчит отец; у Егорки дух заняло, — ой, не пустит!

Не любит лесник, чтоб парнишка без дела валандался. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Всё в избе да в избе...

— Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерок назад. А то у меня расправа коротка: отберу фузею и ремнём ещё настегаяю.

Фузея — это ружьё. У Егорки своё, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привёз. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него бить можно. Хорошее ружьё.

Отец знает: бердана для Егорки — первая вещь на свете. Пригрози отнять — всё сделает.

— Мигом обернись, — обещает Егорка. Сам уже полушубок напялил и берданку с гвоздя сдёрнул.

— То-то, обернись! — ворчит отец. — Вишь, по ночам волки кругом воют. Смотри у меня!

А Егорки уж нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи — и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошёл в сарай сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать.

Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: пальнул раза три. А с тех пор ничего.

Ещё время прошло. Лесник зашёл в избу, поправил фитиль в лампе, зажёл её. Вынул каши горшок из печи.

Егорки всё нет. И где запропастился, поганец?

Поел. Вышел на крыльцо.

Темь непроглядная.

Прислушался — ничего не слышать.

Стоит лес чёрный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нём?

— Воууу-уу!..

Вздрыгнул лесник. Или показалось? Из лесу опять:

— Воуу-уу!..

Так и есть, волк! Другой подхватил, третий... целая стая!

Ёкнуло в груди: не иначе, на Егоркин след напали звери!

— Вуу-воуу-уу!..

Лесник заскочил в избу, выбежал — в руках двустволка. Вскинул к плечу, из дул полыхнул огонь, грохнули выстрелы.

Волки пуще. Слушает лесник: не отзовется ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо: «бумм!»

Лесник сорвался с места, ружьё за спину, подвязал лыжи — и в темноту, туда, откуда донёсся Егоркин выстрел.

Темь в лесу — хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колют лицо. Деревья плотной стеной — не продерёшься.

А впереди волки. В голос тянут:

— Вуу-ооуууу!..

Лесник остановился; выстрелил ещё.

Нет ответа. Только волки.

Плохое дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шёл на волчий голос.

Только успел подумать: «Воют, — пока, значит, ещё не добрались...» Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошёл лесник ещё вперёд и стал.

Выстрелил. Потом ещё. Слушал долго.

Тишь такая — прямо ушам больно.
Куда пойдёшь? Темно. А идти надо.
Двинулся наугад. Что ни шаг, то гуще.
Стрелял, кричал. Никто не отвечает.
И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.
Наконец совсем из сил выбился, осип от крика.
Стал — и не знает, куда идти: давно потерял, в какой стороне дом.
Пригляделся: будто огонёк из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?
Пошёл прямо на свет. Вышел из лесу: чистое место, посреди него изба. В окошке свет.
Глядит лесник, глазам не верит: своя изба стоит!
Круг, значит, дал в темноте по лесу.
На дворе ещё раз выстрелил.
Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делят.
Пропал парнишка!
Скинул лесник лыжи, зашёл в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил да так и замер.
Лампа на столе зачадилась, мигнула и погасла. Не заметил лесник.
Мутный забелел свет за окошком.
Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.
Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружьё.
Вышел на двор — светло. Снег блестит.
Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж.
Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал: «Если б луна ночью, может, и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать! А то бывает же такое! — может, и жив ещё?..»
Приладил лыжи и побежал по следу.
Борозы свернули влево, повели вдоль опушки.
Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге.
А в книге той записано всё, что с Егоркой приключилось за ночь.
Глядит лесник на снег и всё понимает: где Егорка шёл и что делал.
Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.
Сорок, значит, спугнул Егорка. Мышковали тут сороки: кругом мышиные петли-дорожки.
Тут зверька с земли поднял.
Белка по насту прыгала. Её след. Задние ноги у неё длинные — следок от них тоже длинный.

Задние ноги белка вперёд за передние закидывает, когда по земле прыгает. А передние ноги короткие, маленькие — следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там её и стукнул. Свалил в снег с ветки.

«Меткий парнишка!» — думает лесник.

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу и дальше пошёл в лес.

Покружили, покружили следы по лесу и вывели на большую поляну.

На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы — малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли и смётки — прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрыхлён, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарывшись.

Услышали птицы Егорку, вспорхнули. А он выпалил. Все улетели; одна шмякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх, лихой рос охотник: птицу на лету валил! Такой и от волков отбиваться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше, сами ноги бегут, поспевают.

Привёл след к кусту — и стоп!

Что за леший?

Остановился Егорка за кустом, толчётся лыжами на месте, нагнулся — и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше колесить стал. Э, да тут звериные следы! Величиной с лисьи, и с когтями...

Что за диковина? Сроду такого следа не видано: не велика лапа, а когтищи с вершок длиной, прямые, как гвозди!

Кровь на снегу: пошёл дальше зверь на трёх. Правую, переднюю, Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам, гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться: подранка разве охотник бросит?

Только вот что за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста... Парнишке много ли надо!

Глубже и глубже в лес лыжный след — сквозь кусты, мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Ещё на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, бережёт? Вот это место — за вывороченными корнями — и добить бы зверя. Некуда ему тут податься.

А руками разве скоро возьмёшь? Сунься к нему, к раненому! Обозлённый-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжёлый: дырья от него в снегу глубокие.

Да что же это: никак снег падает? Беда теперь: занесёт след, тогда как быть?

Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след, за ним лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди просвет. Лес пошёл редкий, широкоствольный. Тут скорее ещё следы засыпает, всё хуже их видать, трудней разбирать.

Вот наконец: догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нём, серая жёсткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, что за зверь такой. Только неладно тут как-то наслежено... На оба колена парнишка в снег упал...

А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие глубокие ямы в снегу: бежал Егорка, провалился...

И вдруг — спереди, справа, слева, наперерез — машистые, словно собачьи, следы.

Волки! Настигли, проклятые!

Остановился лесник: на что-то твёрдое наткнулась его правая лыжа.

Глянул: бердана лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мёртвой хваткой схватил вожак за горло, выронил парнишка ружьё из рук, — тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул лесник вперёд: хоть бы одежи клоч подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями. И сейчас же оттуда глухое рычание и тявк, точно псы сцепились.

Выпрямился лесник, сдёрнул ружьё с плеча, рванул вперёд.

За деревьями над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели ещё несколько...

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выпалил сразу из обоих стволов.

Ружьё крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошёлся пороховой дым, волков уже не было.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: «Тять!»

Лесник зачем-то снял шапку. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

— Тять!.. — так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

— Егорушка! — простонал лесник.

— Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся... На суку большого дерева, обхватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

— Сынок! — вскрикнул лесник и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться — Егорка пристал, лепечет одно:

— Тятя, бердану мою подбери, бердану...

* * *

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжёлой овчиной. Глаза его блестели, тело горело.

Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

— Слышу, волки близко, — рассказывал Егорка. — Сдрейфил я! Ружьё выронил, лыжи в снегу завязли, бросил. На первое дерево влез, — они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щёлкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тятя!

— Молчи, сынок, молчи, родимый! А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

— А барсука, тятя! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал когти-то?

— Барсук, говоришь? А мне и невдомёк. И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь, вылез в оттепель, засоня! Спит он в мороз, редкую зиму вылезет. Погоди вот — весна придёт, я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе нипочём такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свалилась набок, глаза сами закрылись. Он спал.

Лесник взял у него из рук блюдце, плотней прикрыл сына овчиной и глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала и кружила в воздухе белые лёгкие хлопья — засыпала путанные лесные следы.